

нiями въ духѣ древней поэзіи и превосходящими переводами, мы скажемъ объ этомъ ниже.

Страстная, артистическая натура Батюшкова стремилась родственно не къ одной Элладѣ: ей, какъ южному растенію, еще привольнѣе было подъ благодатнымъ небомъ роскошной Авзоніи. Отечество Петрарки и Тассо было отечествомъ музы русскаго поэта. Петрарка, Аріостъ и Тассо, особливо послѣдній, были любимѣйшими поэтами Батюшкова. Смерти Тассо посвятилъ онъ прекрасную элегію, которую можно принять за апофеозу жизни и смерти пѣвца «Іерусалима»; стихотвореніе «Къ Тассу» — родъ посланія, довольно большого, хотя и довольно слабаго, также свидѣлствуетъ о любви и благоговѣніи нашего поэта въ пѣвцу Годфреда; сверхъ того Батюшковъ перевелъ, впрочемъ, довольно неудачно, небольшой отрывокъ изъ «Освобожденнаго Іерусалима». Изъ Петрарки онъ перевелъ только одно стихотвореніе — «На смерть Лауры», да написалъ подраженіе его IX канцонѣ — «Вечеръ». Всѣмъ тремъ поэтамъ Италіи онъ посвятилъ по одной прозаической статьѣ, гдѣ излилъ «свой восторгъ къ нимъ, какъ критикъ. Особенно замѣчательно, что онъ какъ будто гордится, словно заслугой, открытіемъ, которое удалось ему сдѣлать при многократномъ чтеніи Тассо: онъ нашелъ многія мѣста и цѣлыя стихи Петрарки въ «Освобожденномъ Іерусалимѣ», что, по его мнѣнію, доказываетъ любовь и уваженіе Тассо къ Петраркѣ. И при всемъ томъ Батюшковъ такъ же слишкомъ мало оправдалъ на дѣлѣ свою любовь къ итальянской поэзіи, какъ и къ древней. Почему это — увидимъ ниже.

Страстность составляетъ душу поэзіи Батюшкова, а страстное упоеніе любви — ея пафосъ. Онъ и переводилъ Парни, и подражалъ ему; но въ томъ и другомъ случаѣ оставался самимъ собой. Слѣдующее подражаніе Парни — «Ложный Стыдъ» — даетъ полное и вѣрное понятіе о пафосѣ его поэзіи:

Помнишь ли, мой другъ безцѣнный,
Какъ съ Амурами, тишкомъ,
Мракомъ ночи окруженный,
Я къ тебѣ прокрался въ домъ?
Помнишь ли, о другъ мой нѣжный!
Какъ дрожащая рука
Отъ побѣды неизбежной
Защищалась, — но слегка?
Слышенъ шумъ — ты испугалась;
Свѣтъ блеснулъ и въ мигъ погасъ;
Ты къ груди моей прижалась,
Чуть дыша... блаженный часъ!
Ты пугалась; я смѣялся.
„Намъ ли вѣдать, Хлоя, страхъ?
„Гименей за все ручался,
„И Амуры на часахъ.
„Все въ безмолвіи глубокою,
„Все почilo сладкимъ сномъ!
„Дремлетъ Аргусъ томнымъ окомъ

„Подъ морфеевымъ крыломъ!“
Рано утреннія розы
Запылали въ небесахъ...
Но любви безцѣнны слезы,
Но улыбка на устахъ;
Томно персей волнованье
Подъ прозрачнымъ полотномъ,
Молча новое свиданье
Общали вечеркомъ.
Если бѣ Зевсова десница
Мнѣ вручила ночь и день:
Поздно бѣ юная денница
Прогоняла черну тѣнь!
Поздно бѣ солнце выходило
На восточное крыльцо;
Чуть блеснуло бѣ, и сокрыло
За лѣсъ рдяное лицо!
Долго бѣ тѣни пролежали
Влажной ночи на поляхъ;
Долго бѣ смертные вкушали
Сладострастіе въ мечтахъ.
Дружбѣ дамъ я часъ единый,
Вахху часъ и сну другой:
Остальною жѣ половиной
Подѣлюсь, мой другъ, съ тобой!

Въ прелестномъ посланіи къ Ж*** и В*** «Мои Пенаты» съ токой же яркостью высказывается преобладающая страсть поэзіи Батюшкова. Окончательные стихи этой прелестной пьесы представляютъ изящный эпикурезмъ Батюшкова во всей его поэтической обаятельности:

Пока бѣжить за нами
Богъ времени сѣдой
И губить лугъ съ цвѣтами
Безжалостной косой,
Мой другъ, скорѣй за счастьемъ
Въ путь жизни поетимъ,
Упьемся сладострастьемъ
И смерть опередимъ;
Сорвемъ цвѣты украдкой
Подъ лезвіемъ косы,
И лѣвью жизни краткой
Продлимъ, продлимъ часы!
Когда же Парки тощи
Нить жизни допрядутъ,
И насъ въ обитель ноши
Ко прадѣдамъ снесутъ —
Товарищи любезны!
Не сѣуйте о насъ!
Къ чему рыданья слезны,
Наемныхъ ликовъ гласъ?
Къ чему сіи куренья,
И колокола вой,
И томны псалмопѣнья
Надъ хладною доскою?
Къ чему?... но вы толпами
При мѣсячныхъ лучахъ
Сберитесь, и цвѣтами
Усыйте мирный прахъ;
Иль бросьте на гробницы
Боговъ домашнихъ ликъ,
Двѣ чаши, двѣ цѣвницы,
Съ листьями павиликъ;
И пунтикъ угадаетъ
Безъ надписей златыхъ,
Что прахъ тутъ почиваетъ
Счастливецъ молодыхъ!

Нельзя согласиться, что въ этомъ эпикуреизмѣ много человѣчнаго, гуманнаго, хотя, можетъ быть, въ то же время много и одно-